

Мила Дорохина

Тайны
на улице
Рокцвил

Мила Дорохина

Тайны на улице Рокцвил

<https://litres.ru/74539792>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сбежав от ссоры с матерью, Марго приезжает в тихий Вереск — к тётё Хельме, о которой в семье никогда не говорили. Но приют для кошек на улице Рокцвил хранит куда больше тайн, чем кажется: в тетради появляются записи, которых Марго не делала, кошка Умка будто знает город лучше людей, а пустой дом номер семь... дышит. Что скрывает улица, где прошлое не отпускает, а тишина говорит громче слов?

Содержание

Глава 1. Осень. Приезд

4

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Мила Дорохина

Тайны на улице Рокцвил

Глава 1. Осень. Приезд

Дождь начался ещё в автобусе. Не ливень, не драма — просто мелкая, упрямая морось, которая залезала под воротник и делала всё вокруг одинаково серым. Марго смотрела в окно, но видела только своё отражение: бледное лицо, тёмные волосы, прилипшие к вискам, и чемодан у ног, который казался тяжелее, чем был на самом деле.

Автобус остановился на конечной. Конечной в самом буквальном смысле: дальше дорога упиралась в лес, а перед ним стояла табличка: «*Вереск. Население: 387*». Марго вышла.

Пахло мокрым камнем, сырой землёй и чем-то ещё — старым, пыльным, будто город хранил запахи всех прошедших лет и не хотел их отпускать. Улица Рокцвил начиналась сразу за остановкой. Дома стояли плотно, плечом к плечу, как люди, которые давно знают друг друга и уже не стараются казаться лучше.

Марго потащила чемодан по мокрому тротуару. Асфальт был в заплатках, а между ними пробивалась трава — упрямая, зелёная, не сдавшаяся осени.

Дом тёти Хельмы она узнала сразу. Не потому что помни-

ла — она никогда здесь не была. А потому что он был другим. Не таким, как остальные. У него была веранда, заваленная коробками и старыми велосипедными рамами, а на перилах висела табличка: «*Приют для кошек "Тёплый бок"*». И ещё — из-под двери тянуло сухим сеном и тёплым молоком.

Она постучала. Никто не открыл. Тогда она толкнула дверь — та поддалась с тихим скрипом, будто ждала, когда её наконец откроют.

— Есть кто? — тихо сказала Марго. Голос прозвучал слишком громко в этом полумраке.

Из глубины дома донёсся шорох, потом ещё один, и вдруг коридор наполнился движением. Кошки. Они не бежали, не мяукали — они просто появлялись. Из-за шкафа, из-под лестницы, с верхней полки. Десятки глаз, разные: янтарные, зелёные, серые, один голубой, как кусочек неба в дождливый день. Они не смотрели на неё с ожиданием. Они просто констатировали факт: *ты здесь*.

— Ну, проходи, — раздался голос из кухни. — Не стой в дверях, ты дождь с собой принесла.

Хельма стояла у плиты, помешивая что-то в большой кастрюле. Она была ниже, чем Марго себе представляла, и старше — не на возраст, а на усталость. На ней был старый вязаный свитер, слишком тёплый для такой погоды, и фартук с выцветшими подсолнухами.

— Ты Марго? — спросила она, не оборачиваясь. — Да. — Хорошо. Поставь чемодан там, где не мешает. В доме всегда

кто-то мешает, так что выбирай место по вкусу.

Марго поставила чемодан у стены. Кошки тут же обступили его, нюхали, тёрлись о колёса. Одна, старая, с надорванным ухом, села отдельно, у окна, и смотрела на улицу, будто ждала кого-то.

— Это Умка, — сказала Хельма, проследив за взглядом Марго. — Она приходит и уходит. Не привязывайся. — Я не привязываюсь, — машинально ответила Марго. И тут же поняла, что это неправда. Она уже привязалась — к этому дому, к запаху, к тому, как спокойно здесь было, несмотря на дождь и коробки.

— Поможешь? — Хельма кивнула на кастрюлю. — Тут суп для кошек. Ничего сложного: овощи, крупа, немного мяса. Главное — не пересолить. Кошки не любят солёное.

Они стояли рядом и мешали. Хельма — уверенно, Марго — осторожно, будто боялась сделать что-то не так.

— Тётя... — начала Марго и замолчала. Слово «тётя» звучало странно, как будто она примеряла чужую роль. — Хельма, — спокойно сказала женщина. — Просто Хельма. Мы не из тех семей, где все друг другу «тёти» и «дяди». Мы из тех, где все чужие, пока не решат стать родными.

Марго кивнула. Ей это понравилось.

Когда суп был готов, Хельма позвала кошек. Они пришли не все сразу — по одной, по две, как будто у каждой был свой ритм. Умка пришла последней. Не спеша. Села у миски, посмотрела на Марго, будто проверяя, достойна ли она здесь

стоять, и только потом начала есть.

После работы Хельма показала Марго её комнату. Она была маленькой, с низким потолком и окном, выходящим на задний двор. На столе стояла керосиновая лампа, стопка старых книг и пустая тетрадь в твёрдой обложке.

— Тут иногда отключают свет, — сказала Хельма. — Лампа работает. Книги — на случай, если станет скучно. Тетрадь... ну, вдруг захочешь что-то записать.

Марго взяла тетрадь. Обложка была шершавой, приятной на ощупь. Она открыла её. Страницы были чистыми, белыми, ожидающими.

И вдруг на первой странице она увидела строчку. Своим почерком.

«Приехала. Дождь. Пахнет мокрым камнем и чем-то ещё, чему не знаю названия.»

Марго замерла. Сердце сделало резкий, неприятный толчок.

— Что-то не так? — спросила Хельма из двери. — Нет, — быстро сказала Марго. — Просто... показалось.

Она провела пальцем по строке. Почерк был её. Но она не помнила, чтобы писала это. Может, она сделала это в автобусе, пока смотрела в окно? Может, вытащила тетрадь, написала и забыла? Усталость, дождь, долгая дорога — всё могло смешаться.

— Если хочешь, я могу уйти, — сказала Хельма. — Не надо, — Марго закрыла тетрадь. — Просто устала.

Хельма кивнула, будто понимала, что иногда «устала» — это самое честное, что можно сказать.

Позже, когда Хельма ушла, Марго села за стол. Она достала ручку, открыла тетрадь на чистой странице. И написала:

«Сегодня я приехала в Вереск. Дом тёти... нет, Хельмы. Приятно для кошек. Много кошек. Одна — Умка — кажется, знает этот дом лучше меня. Я не помню, как написала ту строчку на первой странице. Наверное, я просто устала. Или это город так действует — заставляет думать, что ты уже был здесь, хотя это не так.»

Она перечитала. Потом вырвала лист. Не потому что там была ложь. А потому что правда, написанная на бумаге, казалась слишком тяжёлой, чтобы её оставлять.

Скомкала лист, бросила в камин. Пламя схватило бумагу быстро, жадно. Лист почернел, свернулся, рассыпался в пепел.

Марго посидела ещё немного. Потом легла. Окно было открыто на щелочку, и в комнату залетал запах дождя.

Умка пришла и легла у двери, как часовой.

Марго закрыла глаза.

И провалилась.

Глава 2. Осень. Почему

Марго проснулась от того, что кто-то тыкался ей в лицо. Мягко, настойчиво, холодным носом. Умка. Марго не помнила, как кошка оказалась на кровати — вчера она спала у

двери, как часовой, а теперь лежала на подушке, будто так было всегда.

— Умка, — сказала Марго хрипло. — Ты не должна...

Умка посмотрела на неё и моргнула. Медленно, один раз. Как будто говорила: *«Я ничего не должна. И ты тоже»*.

За окном было серое утро. Дождь не прекратился, но стал тише — не стучал, а шуршал, как газета, которую перелистывают в пустой комнате. Марго села, потёрла глаза. Голова была тяжёлой, будто она не спала, а всю ночь думала — хотя не помнила ни одной мысли.

Тетрадь лежала на столе. Закрытая. Марго посмотрела на неё и не открыла. Не потому что не хотела. Потому что боялась увидеть ещё одну строчку, которую не помнила.

Она встала, оделась, спустилась на кухню. Хельма уже была там — сидела с кружкой, пустой, и смотрела в окно. Кошки крутились у её ног.

— Кормишь в восемь, — сказала Хельма, не оборачиваясь. — Корм в кладовке, слева от двери. Миски в раковине, мой перед каждым кормлением. У каждого кошачьего своя миска, кроме Умки. Умка ест из любой.

— Почему?

— Потому что Умка не считает этот дом своим. Она считает его временной остановкой.

Марго хотела спросить, откуда Хельма это знает, но промолчала. Вместо этого взяла миски и пошла к кладовке. Кладовка была маленькой, тёмной, пахла сеном и сухой рыбой.

На полках стояли банки с кормом, подписанные от руки: «*Старшим*», «*Больным*», «*Котятам*», «*Умка*». Последняя банка была пустой.

Марго кормила кошек. Это было странно просто: насыпать, налить, убрать, помыть. Никаких сложных решений, никаких слов, никаких лиц, которые нужно читать. Кошки не улыбались, не лгали, не говорили одно, а думали другое. Они были тем, чем были. Марго поймала себя на мысли, что впервые за долгое время не пытается понять, что чувствует живое существо рядом с ней. Потому что кошке не нужно, чтобы её понимали. Ей нужно, чтобы её кормили.

После кормления Марго села на крыльцо с кружкой чая. Улица Роксвил была почти пустой. Утро, дождь, выходной — люди не торопились. Только в конце улицы кто-то шёл, тяжело, медленно, с зонтом, который не спасал от ветра. Марго не видела лица, только силуэт. Но что-то в том, как человек шёл — спиной вперёд, будто отступал от чего-то, — заставляло её смотреть.

Человек скрылся за поворотом. Марго отвернулась и поймала себя: «*Он не отступал. Он просто шёл. Ты придумала*».

Вот так было всегда.

Марго росла в большой квартире в большом городе, где стены были тонкими, а разговоры — громкими. Мать работала в школе, преподавала литературу, и каждый вечер

приносила домой класс — не учеников, а их истории. *«Знаешь, что Седов сделал сегодня? Знаешь, что мать Корнеевой мне рассказала?»* Отец ушёл, когда Марго было семь. Не хлопнул дверью, не устроил скандала — просто однажды его куртки не было на вешалке. Мать сказала: *«Папа уехал работать в другой город»*. Он не уехал работать. Он ушёл. Марго узнала это в двенадцать, подслушав разговор матери с подругой по телефону. Подруга спросила: *«Он хотя бы звонит?»* Мать помолчала и ответила: *«Иногда. Когда ему нужно что-то»*.

Марго не плакала. Она записала. Это была первая запись в её первом дневнике — тетрадь в клетку, которую она украла из кабинета матери. Запись была короткой:

«Папа звонит, когда ему нужно что-то. Мама говорит об этом так, будто ей всё равно. Но она всегда берёт трубку первой.»

Ей было двенадцать. Она уже понимала, что люди говорят одно, а делают другое. Не потому что лгут — а потому что правда слишком неудобна, чтобы говорить её вслух. И Марго начала собирать эти несовпадения. Не осознанно — как дыхание. Просто замечала.

К пятнадцати годам дневников было четыре. К восемнадцати — девять. Марго записывала всё: как учительница истории моргает, когда врёт, как подруга Аня смеётся ровно на секунду дольше, когда ей неловко, как сосед снизу стучит по батарее не потому что шумно, а потому что одинок.

Она не делилась этим. Никому. Записи были только для неё — карта чужих душ, которую она рисовала в одиночестве. Иногда, перечитывая старые тетради, она пугалась: она помнила, как Аня моргнула на перемене в среду в октябре, но не помнила, что сама ела на обед в тот день. Она знала людей вокруг лучше, чем они знали себя. Но себя — не знала вовсе.

К окончанию школы Марго устала. Не физически — внутри, там, где живут мысли. Голова не выключалась. Она ложилась спать и думала: *«Мать сегодня сказала "я в порядке" три раза. Значит, не в порядке. Почему она в порядке? Из-за отца? Из-за меня? Из-за денег?»* Она просыпалась и думала: *«Учитель математики посмотрел на меня дольше обычного. Он знает, что я не сдаю? Или он просто устал и у него расфокусировался взгляд?»* Поток не останавливался. Никогда. Даже во сне она продолжала анализировать — снились лица, и она читала их, как открытые книги.

Мать заметила не сразу. Заметила, когда Марго перестала есть. Не от голода — от того, что забывала. Голова была занята другим.

— Ты слишком много думаешь, — сказала мать однажды. Не с тревогой — с раздражением. — А ты слишком мало, — ответила Марго. И тут же записала в дневник: *«Мать раздражается, когда я думаю. Потому что мои мысли о ней — это то, что она прячет от себя».*

Они поссорились. Потом не разговаривали неделю. Потом

Марго позвонила Хельме.

Хельму она знала по двум вещам: по редким посылкам на день рождения (всегда одна и та же обёртка — серая бумага, шпагат) и по материнскому молчанию. Мать никогда не говорила о Хельме плохо. Она просто не говорила о ней. Как будто сестры не было. Как будто Хельма — это та часть семьи, которую вырезали ножницами, а край аккуратно загнули, чтобы не поцарапаться.

Марго позвонила и сказала:

— Я хочу приехать. Помогать. С кошками или с чем угодно. Мне нужно... — она замолчала, потому что не знала, как сказать «мне нужно перестать думать». — Приезжай, — сказала Хельма. И повесила трубку.

Марго допила чай. Дождь усилился. Улица Роксвил блестяла, как мокрая спина зверя. Кошки на крыльце спали, мокрые и довольные, будто им не было дела до погоды.

Она достала тетрадь. Открыла на чистой странице. Ручка замерла.

Она хотела написать про человека с зонтом. Про то, как он шёл. Про то, что в его походке было что-то надломленное. Потом хотела написать про Хельму — про то, как та смотрела в окно с пустой кружкой, будто ждала, что окно само скажет, что делать.

Но вместо этого написала:

«Я приехала сюда, потому что устала думать. Я думаю

о людях с тех пор, как помню себя. Я читаю их, как книги, но никогда не читаю себя. Я знаю, почему Аня моргает, когда врёт. Не знаю, почему я моргаю, когда боюсь. Я приду сюда и попробую не думать. Попробую просто быть. Это страшнее всего.»

Перечитала. Пальцы дрогнули. Она вырвала лист, скомкала, бросила в камин. Пламя схватило бумагу мгновенно, как будто ждало.

Умка сидела у двери и смотрела на огонь. Не на Марго. На огонь. Будто знала, что горит не бумага.

Глава 3. Осень. Антикварная лавка

После кормления Марго не пошла обратно в дом. Хельма молча кивнула — будто поняла, что Марго нужна пройтись, чтобы стряхнуть с себя эту тяжесть, которая прилипла ещё с утра. Дождь не прекращался, но теперь он был не злым, а будничным: просто часть улицы, как асфальт или фонари.

Марго шла по Роксвил, не глядя по сторонам, пока не уткнулась взглядом в витрину. «Антикварная лавка Финна Оррика». Буквы были выведены чёрной краской прямо по стеклу, немного криво, будто их писали в спешке или, наоборот, очень медленно, когда рука уже устала. В витрине стояли вещи, которые никто не покупает, но на которые хочется смотреть: старый латунный компас, треснувшая фарфоровая чашка, стопка пожелтевших открыток, часы без стрелок.

Она толкнула дверь. Колокольчик над ней звякнул — не

радостно, а как будто напомнил, что здесь давно никого не было.

Внутри пахло пылью, воском и чем-то сладковатым, почти забытым — так пахнет старая бумага, если её долго хранить в коробке. Пространство было тесным, заставленным до потолка: полки, ящики, коробки, между которыми оставались только узкие проходы.

— Сейчас подойду, — раздался голос откуда-то из глубины. Голос был спокойный, без раздражения, будто человек привык, что его ждут.

Через минуту из-за шкафа вышел парень примерно её возраста. Высокий, худой, в вязаном свитере с вытянутыми рукавами. Он держал в руках стопку книг и смотрел на Марго так, будто она была не новой посетительницей, а чем-то, что он уже видел и теперь пытался вспомнить, где именно.

— Привет, — сказала Марго, чувствуя, как глупо звучит это слово в такой тишине. — Я... просто зашла посмотреть.

Парень кивнул, поставил книги на полку и подошёл.

— Тут редко заходят просто посмотреть, — сказал он. — Обычно ищут что-то конкретное. Или прячутся отсюда.

— Я и то, и другое, — призналась Марго.

Он улыбнулся. Улыбка была не широкой, а аккуратной, как будто он не хотел тратить её впустую.

— Меня зовут Финн, — сказал он. — Это моя лавка. Ну, не совсем моя. Это лавка, в которой я живу и работаю.

— А... — Марго запнулась, подбирая слова. — А почему

ты говоришь «это лавка», а не «моя лавка»?

Финн на секунду замер. Не обиделся, не напрягся — просто будто услышал вопрос, который давно ждал, но не знал, что кто-то его задаст.

— Потому что вещи здесь не мои, — спокойно ответил он. — Они просто живут здесь, а я за ними присматриваю. Если я скажу «моя», это будет звучать так, будто я ими владею. А я не владею. Я их слушаю.

Марго почувствовала, как внутри у неё что-то щёлкнуло. Это было странно — услышать, как кто-то говорит овещам так, будто у них есть голос. Но ещё страннее было то, что она сама вдруг поняла: она всю жизнь пыталась «слушать» людей, а Финн слушал вещи. И в этом было что-то правильное.

— Ты новенькая, — вдруг сказал Финн. — На Рокцвил все друг друга знают. А тебя я не видел.

— Я приехала к Хельме. Помогать в приюте.

Финн кивнул, будто это всё объясняло.

— Хельма хорошая, — сказал он. — Она не спрашивает, почему ты пришёл. Она просто даёт тебе миску и говорит: «Накорми».

Марго улыбнулась. Это было точное описание.

— А ты... — Финн посмотрел на неё чуть внимательнее. — Ты не похожа на тех, кто приезжает помогать.

— Почему?

— У тех, кто приезжает помогать, взгляд такой... собранный. Как будто они уже всё решили. А у тебя взгляд... — он

запнулся, подбирая слово, — ...рассыпанный. Как будто ты ищешь, куда его положить.

Марго замерла. Это было слишком точно. Слишком близко. Она хотела тут же начать анализировать: *«Он заметил-это, потому что сам такой. Или потому что привык при-сматриваться к людям. Или потому что ему одиноко и он ищет, к кому бы прицепиться взглядом»*. Но в этот момент она поймала себя на этом. И остановилась.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Наверное, это правда.

Финн не стал ничего объяснять. Не стал говорить, что пошутил или что не хотел обидеть. Он просто кивнул.

— Если хочешь, могу показать что-нибудь, — предложил он. — Не для покупки. Просто чтобы посмотреть. У меня есть вещи, которые сами просятся в руки.

Он провёл её к полке, где стояли старые открытки. На одной — фотография улицы, очень похожей на Роксвил, только без асфальта, без фонарей, с телегой у дома. На другой — женщина в шляпе, с кошкой на руках. Кошка смотрела прямо в камеру, будто знала, что её снимают.

— Вот эта, — Финн взял открытку с кошкой. — Она всегда лежит сверху. Даже если я убираю её вниз, наследующий день она снова наверху.

— Может, ты просто её не замечаешь, когда кладёшь? — предположила Марго.

— Может, — согласился Финн. — Или она сама хочет быть наверху.

Они улыбнулись друг другу. И в этот момент Марго поняла, что впервые за долгое время она не пытается разгадать человека напротив. Она просто стоит рядом и смотрит на старую открытку.

— Хочешь, я тебе её отдам? — спросил Финн.

— Нет, — быстро ответила Марго. — Пусть остаётся здесь. Пусть лежит сверху.

Финн снова кивнул. Будто понял.

Когда Марго вышла из лавки, дождь почти закончился. Улица блестела, как вымытая. Она посмотрела на дом Хельмы, потом на лавку Финна. И вдруг почувствовала, что ей не хочется сразу бежать записывать всё это в дневник. Не потому что нечего писать. А потому что ей хотелось просто оставить это как есть — как момент, который не нужно раскладывать по полочкам.

Но привычка была сильнее. Рука сама потянулась к тетради в кармане. Марго достала её, открыла на чистой странице. Пальцы дрогнули над ручкой.

«Финн говорит о вещах, будто они живые. Он не называет лавку своей, потому что не хочет владеть. В его словах есть что-то от одиночества, но не от тоски — от тишины. Он смотрит на меня так, будто видит, как я пытаюсь всё понять, и не мешает мне. Или мешает — просто тем, что не даёт мне ответов».

Она перечитала. И впервые не стала вырывать страницу. Не сожгла. Просто закрыла тетрадь и положила обратнов

карман.

Умка сидела на заборе, смотрела на неё и ждала.

— Пойдём, — сказала Марго кошке. — Пора кормить остальных.

И они пошли.

Глава 4. Осень. Шипы и дверь

Хильда Торн пришла в четверг, в половине девятого утра. Марго знала, что это она, ещё до того, как открыла дверь. Стук был таким, каким стучат люди, уверенные, что им откроют: три удара, ровных, гулких, как будто молотком по пустой бочке.

Марго открыла. На крыльце стояла женщина лет шестидесяти, прямая, как дверной косяк, в сером плаще и с зонтом, хотя дождя не было. Лицо было квадратным, жёстким, с морщинами, которые шли не от улыбок, а от привычки хмуриться. Глаза — маленькие, серые, как пуговицы на старом пальто.

— Вы из приюта? — спросила она. Не «вы Марго?», не «доброе утро». Сразу — как следователь.

— Да, — сказала Марго.

— Хильда Торн. Соседний дом, — женщина кивнула вправо, где за низким забором стоял аккуратный коттедж с выкрашенными белыми ставнями. — Я представляю соседский совет улицы Рокцвил. У нас есть вопросы.

Марго посторонилась. Хильда вошла, не дожидаясь при-

глашения, и тут же посмотрела вниз — на кошек, которые лежали в коридоре, как раскрошенные печеньки.

— Вот это, — она ткнула зонтом в сторону рыжего кота, — вчера сидело на моём крыльце. Я аллергик. Если у меня начнётся приступ, это будет на вашей совести.

— Кошки гуляют сами по себе, — сказала Марго, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Мы их не выпускаем. Они приходят и уходят.

— Вот именно, — отрезала Хильда. — Приходят и уходят. А уходят они ко мне на крыльцо. И на мою клумбу. И под мою машину. Вы держите приют — вы и следите.

Из кухни вышла Хельма. Она не сказала ни слова, просто подошла к буфету, достала тарелку, положила на неё хлеб, масло, пару ломтей сыра и поставила перед Хильдой на стол.

— Садись, — сказала Хельма.

Хильда посмотрела на тарелку. Потом на Хельму. Потом снова на тарелку.

— Я не за этим пришла, — процедила она.

— Знаю, — ответила Хельма. — Но ты с семи утра на ногах и ничего не ела. Садись.

Хильда села. Не сразу — сначала постояла, будто спорила с собой, потом всё-таки отодвинула стул и села. Взяла ломтик хлеба, откусила. И пока жевала, её плечи — прямые, как палки, — опустились на сантиметр. Совсем чуть-чуть. Но Марго заметила.

Марго стояла у стены и смотрела. И привычка включи-

лась сама, как старый мотор: руки Хильды — костяшки белые, она сжимает зонт, хотя уже сидит; взгляд — не на Хельму, а мимо, в окно, будто проверяет, не убежал ли мир, пока она здесь; голос — резкий, но в конце каждой фразы чуть дрожит, как струна, которую перетянули. Марго видела это: гнев, который не от силы, а от страха. Человек, который кричит не потому, что уверен, а потому, что если перестанет — рассыплется.

«Она не злится на кошек, — подумала Марго. — Она злится на то, что не может контролировать. Кошки не слушаются. И это для неё невыносимо. Почему? Что было такого, что она не смогла удержать?»

Хельма сидела рядом с Хильдой и молчала. Не оправдывалась, не спорила. Просто сидела. И Хильда, доев хлеб, замолчала тоже. Не потому что согласилась. А потому что в этом молчании было что-то, чего она не ожидала: отсутствие сопротивления.

— Я составлю официальную жалобу, — сказала Хильда наконец, но уже без напора. Как будто произносила слова по инерции.

— Составь, — кивнула Хельма. — Если станет легче — составляй.

Хильда встала. Посмотрела на Марго — долго, изучающе, будто пыталась прочесть в ней что-то.

— Ты новенькая, — сказала она. — Запомни: на этой улице все знают про всех. Если ты думаешь, что ты тут незамет-

ная — ты ошибаешься.

И ушла. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком, не с хлопком.

Когда за Хильдой закрылась дверь, Хельма убрала тарелку. Марго стояла и ждала, что Хельма скажет что-нибудь — объяснит, утешит, прокомментирует. Но Хельма просто мыла посуду и напевала что-то себе под нос, без слов, мелодию, которую Марго не знала, но которая казалась знакомой.

— Хельма, — не выдержала Марго. — Почему она такая? Хельма не обернулась.

— Какая «такая»?

— Злая.

— Она не злая, — Хельма выключила воду. — Она напуганная. Давным-давно у неё была собака. Большая, добрая. И собака умерла. Хильда её любила больше, чем людей. А люди на улице не пришли на похороны. Не потому что не хотели — потому что не знали. Хильда никому не сказала. Она считала, что скажет — и все увидят, что она слабая. И с тех пор она решает, что лучше быть страшной, чем слабой.

— Откуда ты знаешь?

— Я здесь живу, — ответила Хельма. — Здесь не нужно знать. Здесь нужно видеть.

Марго хотела спросить ещё, но Хельма уже вышла из кухни, и разговор был окончен.

Марго осталась одна. Достала тетрадь, открыла. Рука сама

писала:

«Хильда Торн. Пришла жаловаться на кошек — пришла жаловаться на жизнь. Стук — три удара, как выстрелы. Зонт — щит. Хлеб — единственное, что она приняла. Когда Хельма дала ей еду, Хильда не сопротивлялась. Значит, пришла не бороться. Пришла, потому что некуда было идти. Контроль — это не сила. Это страх, что мир развалится, если ты отпустишь его на минуту.»

Она перечитала. Привычным движением потянулась, чтобы вырвать лист. Пальцы уже сжали край бумаги. Но она остановилась. Вспомнила, как Финн сказал: *«Я не владею. Я присматриваю»*. Вспомнила, как Умка лежала на подушке и моргала: *«Я ничего не должна»*.

Она не вырвала. Закрыла тетрадь. Положила на стол. Села рядом.

Впервые за весь день в голове было тихо. Не пусто — тихо. Как после дождя, когда капли ещё висят на листьях, но уже не падают.

Вечером Марго кормила кошек. Уличный фонарь зажёгся — жёлтый, тусклый, как последний зуб в челюсти. Кошки ели, чавкали, толкались. Обычный вечер. Ничего особенного.

Потом все разошлись. Умка не пришла.

Марго подождала. Позвала. Обычно Умка появлялась первой — из-за угла, не спеша, будто делала одолжение. Се-

годня её не было.

Марго вышла на крыльцо. Улица Рокцвил была пустой и тихой. Фонарь освещал только кусок дороги перед домом Хельмы, а дальше начиналась темнота — мягкая, осенняя, не пугающая, а просто глубокая.

И тогда она увидела. В конце улицы, у дома с тёмными окнами и закрытой дверью, на тротуаре сидела кошка. Старая, с надорванным ухом. Умка.

Дом номер семь.

Марго знала этот дом. Проходила мимо каждый день, когда шла к Финну в лавку. Он ничем не отличался от остальных: такой же каменный, с такой же дверью, с таким же номером. Только ставни были закрыты, а в окнах никогда не горел свет. Марго не придавала этому значения — на любой улице есть дом, в котором никто не живёт.

Но Умка сидела именно там. Не у двери — рядом, на тротуаре, и смотрела на дом, как смотрят на человека, который долго не выходил и вот-вот должен появиться.

— Умка! — позвала Марго шёпотом, будто боялась разбудить улицу.

Кошка не обернулась. Даже не шевельнулась. Сидела и смотрела.

Марго сделала шаг. Потом ещё один. Мокрый асфальт скрипел под ботинками. Чем ближе она подходила, тем отчётливее чувствовала: что-то не так. Не с домом — с тишиной вокруг него. На Рокцвил всегда было тихо, но тут тиши-

на была другой: плотной, как вата, будто звук не шёл сюда, а обходил стороной.

Умка не двигалась. Марго остановилась в трёх шагах от кошки. Дверь дома 7 была закрыта. Ставни — тоже. Но Марго почувствовала что-то, чего не могла объяснить: будто дом дышит. Не скрипит, не оседает — именно дышит. Тихо, ровно, как спящее существо.

Она протянула руку к двери. Пальцы коснулись ручки — холодной, мокрой от росы. И в этот момент Умка наконец обернулась. Посмотрела на Марго. Один раз моргнула.

И Марго отдёргнула руку. Не от страха — от чего-то другого. Будто кошка сказала: *«Не сейчас»*. Не «не ходи», а именно «не сейчас».

— Ладно, — прошептала Марго. — Ладно.

Она подхватила Умку на руки — кошка не сопротивлялась, но и не помогала, просто повисла, как старый шарф. Они пошли обратно. Марго не оглядывалась.

Но чувствовала: дом смотрит ей в спину.

Дома Марго села за стол. Тетрадь лежала закрытая. Она не открыла её. Не стала записывать ни Хильду, ни дом, ни Умку, ни ощущение, что дом дышит. Просто сидела и смотрела на огонь в камине, который Хельма разожгла перед сном.

Умка легла у камина, свернулась клубком. Глаза — янтарные, неподвижные — смотрели на угли.

— Хельма, — тихо позвала Марго. — Кто жил в доме но-

мер семь?

Хельма, проходившая мимо с полотенцем на голове, остановилась. Помолчала.

— Никто, — сказала она. — Давно никто.

И ушла наверх.

Марго посмотрела на Умку. Кошка спала, или делала вид, что спала. Огонь потрескивал. За окном шёл дождь — мелкий, тёплый, осенний.

Марго хотела подумать. Хотела разложить: почему Умка сидела у дома, почему Хельма ответила так быстро — слишком быстро, как от чего-то отмахнулась, почему дверь была холодной, а дом — тёплым. Хотела. Но вместо этого вдруг зевнула. Долго, глубоко, как будто тело сказала: *«Хватит. Сегодня хватит»*.

Она легла. Умка не пошла за ней, осталась у камина. Впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.